

## РАННЯЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ СЛОВ

### *Положительный, отрицательный*

Возникновение и развитие слов *положительный* и *отрицательный* составляет весьма любопытный эпизод в истории русского литературного языка нового времени. Достаточно сказать, например, что слову *положительный* в других славянских языках соответствуют единицы, основанные на заимствованных (латинских) корнях: болг. *позитивен*, укр. *позитивный*, польск. *pozytywny*, чеш. *pozitivní*. К тому же в отдельных языках указанные латинизмы<sup>1</sup> не являются единственными и даже наиболее распространенными выразителями данного значения. Ср. в современном польском языке, в разных сочетаниях,  *dodatni, twierdzący, potwierdzający, pozytywny; stateczny, solidny*<sup>2</sup>. Аналогичное соотношение можно предположить и в истории польского языка, свидетельством чего служит, в частности, отсутствие слова *pozytywny* в словаре Линде<sup>3</sup>.

В русском языке заимствование на основе лат. *positivus* — *позитивный* (как и *негативный* — лат. *negativus*) возникло в позднее время и сравнительно ограничено в употреблении. Основными наименованиями в русском литературном языке нового времени в данном значении служат слова *положительный* и *отрицательный*. История этих слов на протяжении последних двух с половиной столетий иллюстрирует весьма характерные для русского литературного языка пути становления новой отвлеченно-книжной терминологии, показывает действие различных внутри- и внеязыковых факторов в этом процессе.

В научной литературе слова *положительный* и *отрицательный* не были еще предметом специального изучения. Имеются лишь отдельные и попутные замечания об истории возникновения этих слов. Так, В. В. Виноградов, отмечая усилившуюся с начала XVIII в. роль латинского языка в формировании новой научно-отвлеченной лексики (для русского и, можно добавить,

<sup>1</sup> См. некоторые этимологические сведения: «Slovník spisovného jazyka českého», t. II. Praha, 1964, стр. 781: «*pozitivní, pozitivní* (z lat.)»; М л а д е н о в, стр. 456: «*позитивенъ*, кор. лат.»

<sup>2</sup> «Русско-польский словарь». Под ред. И. Х. Дворецкого. Изд. 4. М., 1953, стр. 521—522; ср.: К а р ł о w i c z—К р у њ s k i—N i e d ź w i e d z k i IV, стр. 923.

<sup>3</sup> S. B. L i n d e. Słownik języka polskiego, t. I—VI. Lwów, 1854—1860.

многих других европейских языков), приводит слово *положительный* среди терминов, включенных в «Реестр памятуемых речений», который был составлен и приложен к книге С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» 1726 г. ее переводчиком и редактором Гавриилом Бужинским: «*Положительный. Positiva*»<sup>4</sup>. В. В. Виноградов пишет в связи с этим: «Латинский язык сыграл громадную роль в процессе выработки отвлеченной научно-политической, гражданской, философской терминологии XVIII в.»<sup>5</sup>

К «семантической индукции» относит образование научно-отвлеченных значений в словах *положительный* и *отрицательный* Ю. С. Сорокин, определяя существо этого явления следующим образом: «Речь . . . идет об изменении значения или о появлении нового значения, короче — о семантическом видоизменении под воздействием иноязычного источника уже существующих в языке слов»<sup>6</sup>. Дальнейшее развитие и конкретизация<sup>7</sup> этого понятия предполагают прежде всего подробное исследование и описание истории отдельных слов и групп слов с последовательной их типизацией.

Оба слова — *положительный* и *отрицательный* — возникают в русском языке, очевидно, с начала XVIII в., в период растущей продуктивности суффикса *-тельн-*. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и в картотеке ДРС XI—XVII вв. Института русского языка АН СССР нет указаний на существование этих форм в более ранний период. С самого начала в литературно-книжном обиходе за указанными словами закрепляются определенные отвлеченные значения. Они непосредственно основываются на семантике слов *положити*, *отрицати* и др., издавна употреблявшихся в русском языке, но вместе с тем четко обнаруживают новый, специальный смысл. Более «плавно» этот семантический переход совершается в слове *отрицательный*, ср. др.-русск. *отрицати*, *отрицатися* 'отрекаться, отказываться'<sup>8</sup> > *отрицательный* 'содержащий отрицание' > 'основанный на отсутствии (а не на наличии) чего-либо'.

Рельефно и до известной степени противоречиво происходит аналогичный семантический сдвиг в слове *положительный*. Исходными значениями др.-русск. *положити*, легшими в основу семантики производных адъективно-причастных форм этого слова, является, с одной стороны, конкретно-пространственное значение 'поместить, положить', с другой, — отвлеченное 'поставить,

<sup>4</sup> Г. Б у ж и н с к и й. Реестр памятуемых речений. В кн.: С. П у ф е н д о р ф. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. Об этом: В. В. В и н о г р а д о в. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 49.

<sup>5</sup> В. В. В и н о г р а д о в. Указ. соч., стр. 49.

<sup>6</sup> Ю. С. С о р о к и н. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., «Наука», 1965, стр. 172, 166,

<sup>7</sup> Ср. там же, стр. 171.

<sup>8</sup> С р е з н е в с к и й II, стб. 763.

установить'. См. иллюстрации последнего в «Материалах» Срезневского: «*Положиша* межю собою любовь. . .» (Новг. летош., XV в.); «*Положивый* закон на проуготованье истины» (пам. 1414 г.); «А суженое, заемное, *положеное* . . . отдать» (пам. XV в.)<sup>9</sup>.

Оба семантические начала представлены в ранний период в соотношении, а отчасти и смешении форм *положенный* и *положителен* (*положительный*). Данные слова могли иметь глагольный, процессуальный смысл и в переводных и сопоставительных работах соотносились с лат. *positus* (прич. от *ponere* 'класть, ставить') и другими единицами этого же рода. См. в «Словаре» Гельтергофа 1778 г.: «*Положенный, gelegt, positus*»<sup>10</sup>; в «Лексиконе» Поликарпова: «*Положителен, ponendus*»<sup>11</sup>.

Однако наряду с таким употреблением *положительный* обнаруживает уже в первые десятилетия XVIII в. устойчивое отвлеченное значение 'установленный, введенный'. Как говорилось, оно основывалось непосредственно на соответствующих значениях глагола *положити* (-ть): 'поставить, установить' > 'установленный, введенный, условленный'. Вместе с тем в становлении нового качества слова известную роль сыграло сближение его с лат. *positivus*.

Существенно было прежде всего то, что таким путем форма *положительный* четко выделялась и за ней закреплялось определенное отвлеченное значение. В силу такой же аналогии *положительный* могло получать некоторые свойства, сложившиеся у слова *positivus* еще в классической латыни: «условный, произвольный (*nomen non positivum, sed naturale* ['имя не данное, а природное']); грам. *положительный* (*gradus*)»<sup>12</sup> — и получившие дальнейшее развитие в поздней, так называемой «ученой» латыни. Примеры контекстуальной соотносительности слова *положительный* и лат. *positivus* весьма часты в русской научно-философской литературе XVIII в. — ср. выше у Бужинского в его терминологическом перечне.

Итак, слово *положительный* с самого начала получает то отвлеченное содержание, которое остается основным для него и в дальнейшем. В этом отношении семантическая эволюция слова *положительный* не похожа, например, на развитие некоторых других слов — таких, как *относительный*, *отвлеченный* и др., в истории которых конкретно-пространственные значения занимали исключительное место на ранней стадии, сохранившись и позднее (ср. в сочетаниях *относительный к*, *относительный до*; *отвлечен-*

<sup>9</sup> Срезневский II, стб. 1133—1134.

<sup>10</sup> Фр. Гелтергоф. Российский лексикон по алфавиту, с немецким и латинским переводом. М., 1778, стр. 602.

<sup>11</sup> Ф. Поликарпов. Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.

<sup>12</sup> И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков. Латинско-русский словарь. М., 1949, стр. 684.

ный от и т. д.)<sup>13</sup>. Примеры употребления слова в отвлеченно-специальном смысле многочисленны уже в первой половине XVIII в.

Важнейшей из особенностей, отличавших становление многих новых терминов в литературно-книжном языке того времени, является вариантность, состоявшая в множественности средств выражения понятий. Одни и те же или сходные понятия имеют как правило несколько наименований, отражающих попытки с разных сторон, различным путем передать то или иное содержание. Лишь постепенно эта вариативность сменяется, в русле общей нормализации литературного языка, дифференциацией вариантов (аналогов) с выдвиганием и закреплением ведущих средств обозначения. Такие варианты могли быть словообразовательно-морфологическими и лексическими.

В числе первых можно указать применяемую Бужинским в переводе Пуфендорфа форму *полагательный* — наряду (см. выше) с *положительный*. Например: «Дабы употреблять имена *отрицательные*, а не *полагательные*, например: бесконечный, непостижимый, неизмеримый» (О должности, I, 4, стр. 86). Уже на этом примере, между прочим, можно видеть основной момент в семантике слова — утверждение, введение, представление чего-либо. Эта же цитата показательна в другом отношении: она свидетельствует, что рассматриваемое значение с самого начала развивается в противопоставлении отвлеченно-специальному значению, представленному в слове *отрицательный*, где «эффект» номинации достигается посредством отрицания чего-либо.

Среди слов, выступавших в XVIII в. примерно в том же значении, что и *положительный*, обнаруживаем в разных сочетаниях *утвердительный*, *действительный*, *решительный*, *явный*, *случайный* и др. Следует сказать, однако, что лексический вариантный ряд в данном случае сравнительно более ограничен и не столь устойчив, как во многих других подобных ситуациях, — ср. слова *масса*, *факт*, *предмет*<sup>14</sup> и др. Основным из указанных выше вариантных средств, в определенной степени конкурировавшим со словом *положительный*, являлось слово *утвердительный*. Оно встречается в разных источниках.

Например, у Козельского, Тредьяковского слово *утвердительный* выступает в сочетаниях, указывающих на способ рассуждения,

<sup>13</sup> См. мои статьи об этих словах: 1) «Ранняя литературная история слов. *Относительный*, *абсолютный*». — Сб. «Русская историческая лексикология». М. (в печати); 2) «Из истории слов *отвлеченный*, *абстрактный* в русском литературном языке». — «Историко-филологические исследования. Сборник статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада». М., 1966.

<sup>14</sup> Об этих словах см. мои статьи: 1) «Из истории слова *масса*». — Сб. «Современная русская лексикология». М., 1966; 2) «История раннего литературного употребления слова *факт*». — Сб. «Этимология. 1965». М., 1967; 3) «История возникновения слов *предмет*, *объект*». — Сб. «Современная русская лексикология». М., 1966.

размышления: «Определения должно делать *утвердительным*, а не *отрицательным* образом»<sup>15</sup>; «Жить честно, в разуме *утвердительно*, есть каждому собственное его отдавать, а в *отрицательном* разуме, никого не вредить»<sup>16</sup>; «Прежде мы исследовали бытия дел *отрицательных*, опровергающих или умаляющих силу доводов *утвердительных*»<sup>17</sup>.

Наряду с этим *утвердительный* выступает в сочетаниях, в дальнейшем закрепившихся именно за этим словом. См., например, у Румовского в переводе «Писем» Эйлера: «*Предложения . . .* разделяются на *утвердительные* и *отрицательные*»<sup>18</sup>. Еще пример контекста со словом *утвердительный*, не соотносительного с употреблением слова *положительный*: «Ежели о какой материи будут с одной стороны *утвердительные*, а с другой *отрицательные* речи, то такой разговор называется спор» (Филос. предл., стр. 34).

Одним из наиболее распространенных случаев применения слова *положительный* в русском литературно-книжном языке XVIII в. является обозначение так называемых положительных законов (права и др.) — в противоположность закону, праву и др. естественному. Это противопоставление, характерное для просветительских взглядов эпохи, основывалось на различении социальных установлений, введенных в обществе самими членами и — идущих (предписанных) как бы от природы. В сочетаниях типа *положительный закон*, *положительное право*, быстро получавших устойчивый характер, на ранней стадии наблюдается характерная для слова *положительный* вариантность. Например, у Бужинского в его упоминавшемся переводе Пуфендорфа находим: «*Положительный* [закон], то есть *установленный*» (О должности, I, 2, стр. 54); «Нужно вникнути и в *законы*, то есть *положительные уставы*, и оные исправить» (Там же, Обр. к Ек. I, стр. 6) — наряду с этим в «Реестре памяствуемых речений», приложенном к этому же изданию, Бужинский формулирует этот термин иначе, с использованием другого синонимического средства: «*Закон утвердительный*. Praeceptum affirmativum».

См. еще примеры, где четко представлено противопоставление *положительный*, т. е. установленный людьми, введенный в действие, и — *естественный*: «Мир, спокойствие, порядок и подчинение, к произведению которых *естественные законы* не довели,

---

<sup>15</sup> Я. П. Козельский. Философические предложения. СПб., 1768, стр. 17.

<sup>16</sup> Ш. Роллен. Римская история. Пер. с франц. В. К. Тредиаковского, ч. VI. СПб., 1763, стр. II.

<sup>17</sup> [А. Делер.] Сокращение философии канцлера Франциска Бакона, т. I. — Приллет. к кн.: [Д. Маллет.] Житие канцлера Франциска Бакона. Пер. с франц. [обеих работ] В. К. Тредиаковского. М., 1760, стр. 89.

<sup>18</sup> Л. Эйлер. Письма о разных физических и философических материях. Пер. с франц. С. Румовского, ч. II. СПб., 1772, стр. 95.

восстановлены были законами положительными»<sup>19</sup>; у Радищева: «Закон положительный не истребляет, не долженствует истреблять . . . закона естественного»<sup>20</sup>. Аналогичным образом употребляется *положительный* в терминированном сочетании *положительное право*, примеры его встречаются у Козельского и других писателей XVIII в. Например, у Тредьяковского: «Естественное [право] от *положительного*, или *предписанного*, тщательно различил» (Рим. ист., V, 1763, пред., стр. IX).

Отметим и другие типичные случаи употребления слова *положительный*, выявляющиеся уже на начальной стадии литературной истории слова в XVIII в. Это прежде всего использование его с наименованиями наук и предметов изучения. Например: «Богословия *положительная*» (Козельский); см. также противопоставление в названии издания: Д. Неттельбладт. Начальное основание всеобщей *естественной юриспруденции*, приноровленное к употреблению основания *положительной юриспруденции*. Пер. с лат. М., 1770.

Это, далее, обозначение видов электричества. Уже с середины XVIII в. здесь утверждаются термины *положительный* и *отрицательный*, которые в ряде случаев встречаются с описательными пояснениями: «. . . электрическую силу разделить на *положительную* и *отрицательную*» (Ф. У. Эпинус. Речь о сходстве электрической силы с магнитною. СПб., 1758, стр. 7); в переводе «Писем» Эйлера — с разъяснением, которое находим также в только что цитированном выше источнике: «Первая [сила], когда эфир будет больше сжат или больше упруг, называется *положительная*, или *от избытка*; другая, когда эфир будет реже или меньше упруг, называется *отрицательная* электрическая сила, или *от недостатка*» (т. II, стр. 142; в ориг.: *positive, négative*). В этот же период слово *положительный* встречается еще в составе терминированного сочетания из области грамматики — *положительный степень*<sup>21</sup>.

Отметим наречие *положительно*, выступающее в научно-философских контекстах. Ср. показательные для его смысла в это время вариации в разных переводах «Метафизики» Баумейстера: «То, что быть не может для некоторого условия и обстоятельств, называется *положительно невозможным*»<sup>22</sup> — «. . . называется невозможное *под условием*»<sup>23</sup>.

<sup>19</sup> К. Лангер. Слово о начале и распространении положительных законов. М., 1766, стр. 5.

<sup>20</sup> А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 10.

<sup>21</sup> И. Гейм. Новый российско-французско-немецкий словарь, ч. II. М., 1802, стр. 492.

<sup>22</sup> Фр. Х. Баумейстер. Метафизика. [Пер. А. Павлова]. М., 1764, стр. 18—19.

<sup>23</sup> Фр. Х. Баумейстер. Метафизика. Пер. с лат. [А. Павлова], вновь испр. Д. Синьковским. М., 1789, стр. 19.

Семантическое развитие слова *положительный* на протяжении XVIII в. происходит параллельно с другими словами этого же корня — *положить*, *положение* и др. Эта соотносительность, сыгравшая существенную роль при формировании исходных значений слова *положительный*, сохранялась и в дальнейшем. Так, указанные слова широко употребляются в значении установления, решения, изложения чего-либо. Например: «*Положив*, что свет от солнца простирается во все стороны. . .»<sup>24</sup>; «*При положении* существа вещи *полагаются* ее свойства» (Филос. предл., стр. 41); «Как в сей, так и в преждепомянутой [секте] самые их *положенные* правила запрещают последовать»<sup>25</sup>.

Момент утверждения, представления, введения чего-либо является в слове *положительный* одним из основных на протяжении всей его истории. Он представлен в научно-отвлеченных контекстах, он же отчетливо выступает в общеобиходном значении слова — 'содержащий решение, утверждение'. В этом качестве слово представлено «Словарем Академии Российской» (т. IV, 1822, стб. 1441): «*Положительный*, пр. Утвердительный, решительный. *Дать, сделать на что положительное мнение, определение*. К середине XIX в. данное качество слова определяется в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля следующим образом: «*Положительный*, утвердительный, решительный, верный. *Положительный ответ*, определительный и ясный. . .» (Даль III, стр. 665—666).

В этом же общем русле, и так же как общеобиходное литературное значение, складывается употребление слова *положительный*, соотносительное с *утвердительный* в современном нам смысле и антонимичное слову *отрицательный*, — 'благоприятный, не содержащий отказа' (из противопоставления *утвердительный* / *положительный* — *отрицательный*). Поэтому сочетание *положительный ответ* уже в середине XIX в. могло иметь двоякий смысл, который и отмечается Далем в его «Толковом словаре». Помимо указанного выше толкования, он добавляет: «. . или изъясляющий согласие, ответ *да*, пртвпл. *отрицательный, отказ*» (Даль III, стб. 665—666).

В первые десятилетия XIX в. в научно-отвлеченных и литературно-публицистических контекстах слово *положительный* выступает в разнообразных сочетаниях со значением чего-либо явного, очевидного, конструктивного (по определению Даля: «все присутщее . . . ести или все, что в естях»). В целом литература этого времени дает представление о сематических свойствах слова. Вот не-

---

<sup>24</sup> М. В. Ломоносов. Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее. — Полн. собр. соч., т. III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 320.

<sup>25</sup> Г. Н. Теллов. Знания, касающиеся вообще до философии, кн. 1. СПб., 1751, стр. 220.

которые примеры: «Качества заключают в себе частью *положительные принадлежности* вещи, частью *отрицательные*. Под именем *положительных* разумеется то, что вещь в себе имеет или к чему она способна; *отрицательные принадлежности* вещи заключают в себе *отрицание*, или неимение оною какого-либо свойства» (Фр. Снелль. Начальный курс философии, ч. II. Казань, 1813, стр. 110); «*Положительные и видимые качества предметов*» («Лицей», 1806, I, кн. 2, стр. 30); «Бесконечное есть *положительная стихия искусства*» («Моск. вестник», 1829, IV, стр. 37); «Выражение более метафорическое, нежели *положительное*» («Энциклопедический лексикон» А. Плюшара, 1838, т. XIV, стр. 238. — По поводу выражения «гекатомба»=принесение в жертву ста быков, якобы совершенное Архимедом при открытии одной из теорем геометрии); в статье Н. Надеждина «Европеизм и народность»: «. . . такой *положительный факт*, такое вещественное, осязаемое явление» («Телескоп», 1836, ч. 31, стр. 6); «Русская Правда отвращает своим существованием все сие зло и приводит государственное преобразование в *положительные ход и действие*» (П. И. Пестель. Русская Правда)<sup>26</sup>.

В дополнение к только что приведенным укажем кратко еще следующие характерные для слова контексты, где слово *положительный* выступает в том же отвлеченном значении: *положительные доказательства, положительные наблюдения, положительные опыты, положительные сведения* в естественных науках, *положительная конституция* и др. Употребления этого рода встречаются у Пушкина — см. «Словарь языка Пушкина», т. III, 1959, стр. 510—511 (здесь же более детальная лексикографическая классификация значений и оттенков слова). На протяжении второй половины XIX—XX в. происходит дальнейшее развитие слова. При сохранении указанной общей семантики его появляются некоторые новые значения, часть же прежних употреблений выходит из активного обихода (сочетания типа *положительные науки, положительная философия, история*)<sup>27</sup>. — Ср. «Словарь современного русского литературного языка», т. X, 1960, стб. 1043—1045.

При наличии основных общих направлений в семантическом развитии слов *положительный* и *отрицательный* их функционирование в известной степени представлено рядом цельных, большей частью терминированных сочетаний — таких, как *положительный закон, положительные науки, положительное и отрицательное электричество, положительное и отрицательное коли-*

<sup>26</sup> «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. 2. М., 1951, стр. 85.

<sup>27</sup> Ср. у И. Д. Якушкина в рассуждении 30-х годов XIX в. «Что такое жизнь?»: «. . . *положительная наука*, основанная единственно на опыте» («Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. 1. М., 1951, стр. 160).



чество и т. д. Часто источником таких образований оказывалась соотносительность с лат. *positivus*, некоторые устоявшиеся значения и лексико-семантические связи которого (например, *gradus positivus*—положительная степень и др.) заимствованы в другие языки, в том числе в русский. Во второй половине XVIII—XIX в. наиболее существенным в становлении некоторых отвлеченных и специальных свойств слов *положительный* и *отрицательный* оказалась соотносительность с франц. *positif* и *négatif*.

Целый ряд характерных сочетаний, отмечавшихся выше у слов *положительный* и *отрицательный*, находим и во французском языке XVIII в. Например, в 3-м издании «Словаря Французской Академии» отмечены: *le droit positif, le droit naturel* (=положительное, естественное право), *théologie positive* (=богословие положительное)<sup>28</sup>, в 6-м издании — *les lois positives, la loi naturelle* (=положительные законы, естественный закон)<sup>29</sup> и т. д. Существенно отметить, что во французском языке специализация указанных сочетаний протекает постепенно и примерно в то же время, что и в русском языке. Поэтому факты параллелизма в значении и употреблении этих слов можно определить скорее не как семантические «слепки» одних слов с других, возбуждение свойств в одном языке под влиянием другого, а как живую соотношенность (снесение, сближение) формирующихся терминов в условиях реальных (непосредственных и книжных) контактов языков<sup>30</sup>.

История слова *отрицательный* выше была отчасти иллюстрирована. Слова *отрицательный* и *положительный* являют собой пример системных отношений в истории русской литературной лексики; формирование отвлеченных значений у этих слов с самого начала шло во многих отношениях во взаимном противопоставлении. Однако характер семантического развития этих слов не одинаков. Если слово *положительный* испытало воздействие многих, разных по времени и направлению факторов, то смысловая эволюция слова *отрицательный* происходила, как говорилось, более «плавно» и непосредственно. Основное исходное значение — ‘содержащий отрицание’ четко прослеживается в слове и на протяжении дальнейшей его истории.

Специализация слова заключалась в его философском переосмыслении: ‘отрицающий, содержащий отрицание’ > ‘основанный на отсутствии чего’. Уже в «Реестре памятуемых речений» Бужинского — одном из первых философских словариков

<sup>28</sup> «Dictionnaire de l'Académie française», t. II. Paris, 1740, стр. 385—386.

<sup>29</sup> «Dictionnaire de l'Académie française», t. II. Paris, 1835, стр. 465.

<sup>30</sup> В XVIII—первой половине XIX в. живая семантическая и фразеологическая соотношенность — для французского языка и структурно-морфологический и отчасти семантический «ориентир» — для латыни (наибольшее значение имела поздняя «ученая» латынь).

XVIII в. — слово *отрицательный* представлено наряду с *положительный*: «*Отрицательный. Negativum*».

Приведем несколько примеров, показывающих употребление слова *отрицательный* в отвлеченных контекстах: «Когда [его] называем безначальным, непостижимым, нескончаемым, невидимым и прочими свойствами *отрицательными*» (Ф. Прокопович. Рассуждение о безбожии. М., 1774, стр. 13); «О бесконечном мы имеем понятие токмо *отрицательное*, потому что понимаем его не иначе, как чрез *отрицание* конечного»<sup>31</sup>; «Вместо *отрицательного* происхождения идей разума в Кантовой системе. . .» (Снелль. Нач. курс филос., ч. V, стр. 54); ср. в статье Н. Полевого «Обозрение русской литературы в 1824 году»: «О публике, *отрицательной* (*negative*) участнице успехов в словесности» («Моск. телеграф», 1825, № 1, стр. 77. — Слово *отрицательный* выделил здесь курсивом автор).

Среди обстоятельств, оказавших влияние на специализацию значения слова, можно указать соотносительность его с развивавшимся параллельно философским термином *отрицание*. На протяжении XVIII—XX вв. в слове *отрицательный* формируются все основные современные значения его — многие в противопоставление слову *положительный* (см. «Словарь современного русского литературного языка», т. VIII, 1959, стб. 1578—1579).

В заключение отметим, что заимствования *позитивный* и *негативный* входят в литературный обиход русского языка не ранее первой половины—середины XIX в.; впервые эти слова отмечены в «Толковом словаре» Даля в значении, сходном со словами *положительный* и *отрицательный*. См. толкование их, включающее некоторые упоминавшиеся выше синонимические средства: «*Позитивный*, [франц. *positif*], положительный, решительный, окончательный; конечный; верный; пртвплж. *негативный*, отрицательный» (Даль III, стб. 597).

Данные слова до сих пор имеют сугубо книжный характер и сравнительно ограничены в употреблении. Кроме случаев, непосредственно связанных с значением терминов *позитивизм*, *негативизм*, указанные слова в настоящее время используются как синонимы, иногда стилистически разграниченные, слов *положительный*, *отрицательный* (*положительная*, или *позитивная*, *сторона этой истории*; *отрицательная*, или *негативная*, *сторона*). Они оказываются тем не менее закрепленными в некоторых контекстах (ср. *полоса позитивного сотрудничества*). — О значениях этих слов см. «Словарь современного русского литературного языка», т. X, 1960, стб. 784, т. VII, 1958, стб. 779.

В слове *положительный* сейчас все более распространенными становятся значения, включающие момент оценки, — 'содержа-

<sup>31</sup> «Сочинения Д'Аламберта». Пер. с франц. И. Г. Харламова, ч. 1. Дух философии. М., 1790, стр. 150.

ций одобрение, согласие'. Поэтому, например, сочетание *положительный ответ* в настоящее время не является двусмысленным, как столетие назад (ср. выше у Даля: «определятельный и ясный» и «изъявляющий согласие»). Соответственно *положительный* в значении 'конструктивный, утверждающий что-либо' начинает (возможно, чтобы избежать разнотолкований слова) сокращаться в употреблении. В ряде контекстов, где еще сравнительно недавно обычным было *положительный* (*положительные предложения, соображения* и т. д.), сейчас предпочтительнее оказываются иные слова, в том числе упоминавшееся *позитивный, конструктивный, конкретный* и др. Однако это касается в основном книжно-газетной речи. В общеобиходном языке старые значения 'явный, очевидный' сохраняются до сих пор (*положительный невежда, положительно невозможно*).

Слова *положительный, отрицательный* (*позитивный, негативный*) служат иллюстрацией различных путей становления русской литературной лексики XVIII—XX вв. Изучение истории слов дает материал, необходимый для последующих обобщений и оценки факторов, действовавших в языке в разное время и — от слова к слову — в той или иной степени.